

Глава 25: Возникновение неприязни

—

Сяо Шань, услышав об этом, тоже был очень потрясён.

Он думал так же, как и император: здоровье старого господина Гу действительно было не очень хорошим, но до этого не было никаких предвестников смерти.

В последние годы старый господин Гу уже мало чем управлял. Помимо случайных посещений дворца для встречи с императором, о большинстве других дел семьи Гу заботились братья Гу Сюань и Гу Янь. А по своему статусу, если ему становилось немного не по себе, он тут же отправлял записку во дворец, чтобы вызвать императорского лекаря в поместье.

Император и императрица также жалели его преклонный возраст и часто отправляли императорского лекаря Су для осмотра. Честно говоря, лекарь Су был лучше всех осведомлен о состоянии здоровья старого господина Гу, но не слышал от него никаких намёков.

Иначе наложница Лань со своим характером давно бы не выдержала и рассказала ему.

Внезапно услышав, что тщательно оберегаемый старый господин Гу скончался, Сяо Шань почувствовал себя очень растерянным. Как этот человек мог так внезапно уйти?

Не говорит ли это о том, что всё в мире непостоянно, и судьбу нельзя насильно изменить?

Независимо от того, что думали те, кто услышал новость, семья Гу уже начала траур, и это, как бы ни было невероятно, стало фактом.

Сяо Шань переоделся в простую одежду, сказал об этом Се Чжюю и отправился в поместье Гу верхом. Когда он прибыл, у ворот поместья Гу уже были вывешены белые шёлковые полотна, а привратники надели траурные повязки.

Увидев Сяо Шаня, привратник с покрасневшими глазами провёл его внутрь.

Повсюду были люди в простой одежде, с бледными лицами, их голоса были полны скорби, и слышались только рыдания.

Сердце Сяо Шаня не было мягким, даже можно сказать, что оно было немного бесчувственным, но он не любил видеть, как люди плачут. Независимо от причины слёз, это никогда не было радостным зрелищем.

Отношения Сяо Шаня с семьёй Гу не были очень близкими, но семья Гу всё же была его родом по материнской линии.

В детстве он тоже играл в поместье Гу, и старый господин Гу когда-то держал его за руку и рассказывал ему истории. Но повзрослев, из-за их статусов между ними возникло молчаливое понимание.

Он не часто бывал здесь, и глаза старого господина Гу и других были направлены на Сяо Цзиня, и они больше ценили Сяо Цзиня.

Но то, что его отношения с семьёй Гу были прохладными, не означало, что они поссорились.

Когда Сяо Шань прибыл, Гу Сюань и Гу Янь со всеми младшими членами семьи Гу вышли ему навстречу.

Гу Сюань, который все эти годы управлял семьёй Гу, был очень рассудительным человеком, во многом похожим на старого господина Гу. Сейчас его глаза были красными, но он всё ещё с трудом держался.

Что касается Гу Яня, он был слегка полноват и плакал очень горько, в его горле слышались сухие рыдания, слёзы на лице не прекращались, а рукав был наполовину мокрым от вытирания слёз.

Сяо Шань подозревал, что наложница Лань так любит плакать, потому что унаследовала его предрасположенность к обильному слезотечению.

Сяо Шань остановил Гу Сюаня, Гу Яня и других от того, чтобы приветствовать его. Он пришёл, чтобы в последний раз увидеть старого господина Гу, и в это время статус принца, естественно, должен был быть отложен в сторону.

Сяо Шань возжёт благовония, а затем, не говоря ни слова, посмотрел на скорбящих членов семьи Гу. Старый господин Гу прожил долгую жизнь, и в семье Гу теперь было много хозяев. Честно говоря, не все, кто стоял здесь, были искренне опечалены, и не все считали, что они должны стоять здесь вместе.

Раньше, когда старый господин Гу был жив, Гу Сюань и Гу Янь не разделяли свои семьи. Теперь, когда старого господина Гу не стало, братья, у которых уже были внуки, определённо не будут продолжать жить вместе. Разделение семьи было неизбежным.

Разделение семьи было мелочью, самое главное сейчас — это соблюдение траура.

Во время траура Гу Сюань и Гу Янь, а также младшие мужчины из семьи Гу, должны были уйти из двора на несколько лет, а свадьбы дочерей будут отложены на три года.

В это время кто-то обязательно воспользуется возможностью, чтобы разделить влияние семьи Гу при дворе, и даже будет намеренно притеснять их, потому что у семьи Гу не будет никого при дворе. Что-то семья Гу, возможно, и сделала, а что-то, возможно, и нет. Но они долгое время не будут перед императором, и им будет трудно что-либо доказывать.

Это тоже не было хорошей новостью для наследного принца Сяо Цзиня.

Однако с этим ничего нельзя было поделать, если только император не отменит траур, но отмена траура не была чем-то, что можно было сделать по желанию.

Императору нужно было найти подходящую причину, которая устроила бы всех чиновников. Самое главное, хотел ли император отменить траур.

Если бы кто-то узнал, что Сяо Шань в такой печальной обстановке всё ещё думает об этом, его бы наверняка ругали за жадность, бессердечность и то, что он негодяй. К счастью, в этом мире не было рентгеновского зрения или чтения мыслей, и он не был стеклянным человеком, чтобы все его мысли легко читались.

Пока Сяо Шань думал об этом, прибыл и Сяо Цзинь.

Сяо Цзинь также сменил парчу и шёлк на простую одежду. Он ехал верхом, и его волосы были немного растрёпаны ветром из-за быстрой езды. Сяо Цзинь и старый господин Гу были в хороших отношениях. Старый господин Гу при жизни многому его научил, поэтому, услышав эту новость, глаза Сяо Цзиня покраснели.

По сравнению с Сяо Цзинем, Сяо Шань, который не выражал никаких эмоций, даже глаза не покраснели, казался особенно равнодушным и был здесь совершенно неуместен.

Сяо Цзинь, увидев Сяо Шаня, позвал его: «Третий брат».

Сяо Шань, увидев его шатающуюся походку, испугался, что он упадёт, и поспешно подошёл, чтобы поддержать его.

Сяо Цзинь слабо улыбнулся и сказал: «Я в порядке».

Сяо Шань кивнул, отпустил его и молча отошёл в сторону.

Сяо Цзинь пошёл возложить благовония, и он также остановил Гу Сюаня и других от поклона. Когда он закончил возлагать благовония и начал утешать всех, спокойствие на лице Гу Сюаня немного исчезло. Он крепко схватил Сяо Цзиня за руку, слёзы потекли из его глаз, и он искренне позвал: «Ваше Высочество наследный принц».

В его голосе была полная печаль и возмущение.

Сяо Цзинь с покрасневшими глазами сжал руку Гу Сюаня и хриплым голосом сказал: «Отец-император, матушка-императрица и наложница Лань — все они узнали и очень расстроены. Отец-император приказал мне приехать, чтобы проводить прадеда...»

Он хотел что-то ещё сказать, но его горло сжалось, и он больше не мог произнести ни слова.

Гу Сюань и другие со слезами на глазах поклонились в сторону императорского дворца, выражая благодарность за императорскую милость. Поднявшись, Гу Сюань сказал: «Благодарим Его Величество, императрицу и наложницу Лань за заботу».

Гу Янь стиснул зубы и горько плакал.

Сяо Цзинь снова утешил их, а затем вместе с Сяо Шанем направился во внутренний двор.

Не говоря уже о младших, только госпожа Юнь и госпожа Цзян во внутреннем дворе, а также старая госпожа Ань, которая постоянно проживала в поместье, горько плакали.

Особенно старая госпожа Ань, она рыдала так безутешно, что несколько раз теряла сознание, и ей даже дали две таблетки.

Она всё время стояла на коленях, и как бы её ни уговаривали другие, она не хотела вставать. Дворцовые слуги семьи Гу, видя эту сцену, хотя и не говорили вслух, но в душе восхищались сыновней почтительностью старой госпожи Ань, которая могла тронуть небеса и землю.

Сяо Цзинь и Сяо Шань, пройдясь, увидели эту ситуацию, и их настроение тоже стало тяжёлым.

Они не стали слишком беспокоить скорбящих во внутреннем дворе. Возвращаясь к переднему двору, они прошли по водному коридору в персиковом саду. Сейчас здесь никого не было, и было очень тихо. Сяо Цзинь неподвижно стоял там.

Сяо Шань стоял рядом с ним, молча составляя ему компанию.

Долгое время Сяо Цзинь тёр лицо рукой, и очень тихий голос прозвучал сквозь его пальцы: «Третий брат, как это могло произойти?»

Сяо Шань не знал, спрашивает ли он о будущей ситуации или о смерти старого господина Гу.

Сяо Шань немного подумал и очень серьёзно сформулировал слова: «Люди смертны. Прадед был в преклонном возрасте, и, к счастью, в последние годы у него не было серьёзных болезней»

или бедствий. Перед смертью он не страдал от боли и ушёл без мучений. Второй брат, не печалься слишком сильно. Он больше всех любил тебя. Твоя чрезмерная скорбь может заставить его беспокоиться и не даст ему уйти спокойно».

Сяо Цзинь снова потёр щёки, его ладони скользнули по уголкам глаз, он сильно потёр их, прежде чем опустить руки. Глубоко вздохнув, он посмотрел на Сяо Шаня и сказал только: «Ах ты», — больше ни слова.

Постояв ещё немного, когда Сяо Цзинь пришёл в себя, они вдвоём покинули поместье Гу.

Сейчас в семье Гу был хаос, и если бы два принца задержались там надолго, посетителям пришлось бы приветствовать их, что создало бы ещё больший беспорядок.

Когда они ушли, людям из семьи Гу не нужно было так сильно считаться с ними.

По дороге обратно Сяо Шань сказал: «Второй брат, зайди ко мне в поместье на некоторое время, прежде чем вернуться во дворец».

У него в поместье Сяо Цзинь мог быть просто Сяо Цзинем, мог свободно горевать.

Вернувшись во дворец, Сяо Цзинь мог быть только наследным принцем, и не мог свободно выражать свои эмоции, будь то радость или печаль.

Сяо Цзинь, услышав это, немного поколебался и сказал: «На этот раз не пойду. Отец-император всё ещё ждёт меня во дворце, чтобы я отчитался. Когда будет время, мы, братья, хорошо поговорим».

Сяо Шань не стал его принуждать, а затем вместе с ним вошёл во дворец. Сяо Цзинь приехал в спешке, взяв с собой всего несколько охранников, и Сяо Шань беспокоился о нём.

Кроме того, ему нужно было пойти во дворец, чтобы утешить наложницу Лань.

Войдя во дворец, Сяо Цзинь отправился к императору, чтобы доложить, а Сяо Шань пошёл во дворец Цзинлань.

Как он и ожидал, наложница Лань уже плакала до хрипоты.

На этот раз Цуй Шу тоже не смогла её успокоить. Увидев Сяо Шаня, наложница Лань схватила его и дрожащим голосом спросила: «Ты был в поместье Гу?»

Сяо Шань кивнул: «Я проводил прадеда. Дедушка и остальные в порядке, матушка-наложница

не должна слишком сильно беспокоиться».

«Как можно не беспокоиться?» — наложница Лань проливала слёзы, её лицо было полно скорби. «Войдя в эти дворцовые ворота, каждый год встречаешься с семьёй лишь определённое количество раз. Теперь, когда родственник скончался, лично возложить благовония — это роскошь, и у меня есть право только плакать вот так».

Сказав это, она зарыдала.

Сяо Шань не стал её дальше уговаривать.

Смерть близкого человека всегда печалит, и уговаривать скорбящего человека сдерживать слёзы — очень невежливо и жестоко.

Вместо этого лучше воспользоваться возможностью и позволить ей выплеснуть свою печаль.

Когда вся печаль будет выплакана, станет легче.

Сяо Шань молча сопровождал наложницу Лань, пока она не выплакалась и не успокоилась, а затем ушёл.

—

Вернувшись в княжеское поместье, он дошёл до заднего двора и сразу увидел Се Чжуй, ждущего у ворот.

В тот момент, когда он увидел его силуэт, Се Чжуй первым подошёл к нему.

Се Чжуй был немногословен, зная, что Сяо Шань, вероятно, не в лучшем настроении, он не стал задавать лишних вопросов.

Он не знал, что может сделать, просто хотел быть рядом с Сяо Шанем в такой момент.

Се Чжуй не заговорил, а Сяо Шань заговорил: «Отец-император, императрица и матушка-наложница все печалятся из-за этого. Чтобы тот не позволял людям внизу поднимать слишком много шума по поводу вопроса о присвоении титулов». Он не то чтобы не доверял характеру Се Чэня, просто реальные обстоятельства Се Чэня были таковы.

Се Чэнь только что получил титул графа и был самым влиятельным человеком в столице в последнее время. Из-за родственных связей в глазах посторонних Се Чэнь принадлежал к фракции наследного принца.

Се Чэнь был слеп и не мог реально видеть многие вещи. Если кто-то из поместья Се ослепнет от жадности, и его тайно подстрекнут к беспорядкам, то в такой критический момент это будет нехорошо.

Сяо Шань знал характер императора.

Семья Гу была особенной для императрицы, наложницы Лань и даже для императора.

Если в семье Гу будет траур, а другие будут веселиться, это будет равносильно тому, чтобы нанести рану в сердце императору, и неизвестно, когда за это придётся расплачиваться.

Се Чжуй поспешно сказал: «Ещё до твоего возвращения я уже отправил Цзи Аня лично. Несчастье в том, что у старшего брата сильно болят глаза, и он сильно заболел, теперь он закрылся и не принимает гостей, а слугам не разрешается свободно входить и выходить».

Услышав слова Се Чжуйя, Сяо Шань подумал: «Как хорошо».

То, о чём он не подумал сразу, Се Чжуй смог предусмотреть. Они вдвоём помогали друг другу и двигались вперёд рука об руку.

Се Чжуй увидел, как Сяо Шань улыбнулся ему. Это была лёгкая, но чрезвычайно искренняя улыбка.

Затем Се Чжуй тоже улыбнулся.

Невысказанные слова Сяо Шаня он понял.

—

Почему старый господин Гу внезапно скончался, император приказал выяснить. Старый господин Гу умер от осложнений сердечной недостаточности. У него случился внезапный приступ, и когда его обнаружили, не успели даже вызвать домашнего врача, не говоря уже о том, чтобы отправить запрос на императорского лекаря, и он быстро скончался.

До приступа старого господина Гу, Гу Сюань и Гу Янь приходили к нему с визитом, и ни один из них не обнаружил у старого господина Гу никаких проблем. Никто не знал, почему у него случился приступ.

Император, узнав об этом, вздохнул. Поскольку приступ был внезапным, он не мог винить императорского лекаря.

Это дело могло остаться только так.

Старый господин Гу был похоронен 26-го числа пятого месяца.

Дата была выбрана императором по расчетам Императорской Обсерватории, и он одобрил её. Императрица и наложница Лань отправили много вещей, а гроб старого господина Гу несли самые уважаемые молодые родственники.

На похоронах присутствовали Сяо Шань и Сяо Цзинь.

Все говорили, что старый господин Гу был полон славы при жизни и после смерти.

После погребения старого господина Гу, Гу Сюань и Гу Янь подали прошение об увольнении в связи с трауром. К счастью, родовые земли семьи Гу находились в столице, и им не нужно было никуда переезжать.

Гу Янь не достиг особых успехов в чиновничьей карьере, и у него не было особых амбиций. Даже его должность чиновника пятого ранга была куплена, а два его сына служили чиновниками на местах.

В отличие от него, Гу Сюань пользовался большим доверием императора. Гу Сюань управлял Министерством финансов, держал в руках казну Великой Чжоу, а его старший сын, Гу Инь, служил префектом в Цзяннани.

Прошение Гу Яня было быстро одобрено императором, а прошение Гу Сюаня император временно отложил и не ответил.

Император тоже колебался.

У старого господина Гу был также титул герцога Ань, который должен был быть передан одному из наследников.

Император, естественно, был склонен к Гу Сюаню.

Получив новость, две ветви семьи Гу испытали смешанные чувства.

Гу Сюань, естественно, был обеспокоен и рад, а во второй ветви семьи Гу, Гу Янь был очень опечален, и его жена, госпожа Цзян, тоже была очень опечалена.

Они прекрасно понимали, что после ухода старого господина Гу им вскоре не будет места в большом доме семьи Гу.

«Ты попробуй встретиться с госпожой Жулань», — сказал Гу Янь госпоже Цзян после того, как она горько плакала.

Госпожа Цзян посмотрела на него в недоумении. Гу Янь всхлипнул и сказал: «Мне нужно кое-что сказать госпоже. В любом случае, мы должны встретиться».

Госпожа Цзян, услышав это, кивнула и сказала: «Тогда я попрошу кого-нибудь передать весть госпоже».

—

Наложница Лань вскоре получила известие от госпожи Цзян. Из-за присутствия императрицы во дворце госпожа Цзян редко проявляла инициативу, чтобы что-либо ей передать. Теперь, услышав, что она очень спешит, наложница Лань тоже забеспокоилась.

Гу Янь и госпожа Цзян сейчас находились в трауре и не могли свободно входить и выходить из дворца. Им было нелегко встретиться. Если бы наложница Лань сама придумала какой-нибудь способ, она бы действительно не смогла придумать ничего хорошего.

Она хотела обратиться к императрице, но императрица заболела, и наложница Лань уныло вернулась во дворец Цзинлань.

С тех пор как наложница Лань получила известие от госпожи Цзян, она беспокоилась и днём, и ночью, в конце концов, у неё появились язвы на губах, и она так и не придумала способа, а потом и сама заболела.

Болезнь наложницы Лань, однако, изменила ход событий.

Император, узнав, что наложница Лань заболела, пришёл навестить её во дворец Цзинлань. Он увидел, что наложница Лань почти бредит от болезни и всё ещё плачет. Император был расстроен, а от Цуй Шу узнал, что наложница Лань заболела из-за беспокойства о своей семье. Глядя на наложницу Лань, которая в последние дни изо дня в день умывалась слезами и заметно похудела.

Император вдруг вспомнил, что наложница Лань за столько лет во дворце ни разу не возвращалась в поместье Гу, чтобы навестить родителей.

Даже императрица возвращалась дважды.

Подумав об этом, император почувствовал невыносимую жалость и милостиво объявил, что как только наложница Лань выздоровеет, ей будет разрешено вернуться в поместье Гу для посещения родных.

Наложница Лань, проснувшись, услышала эту хорошую новость. Даже самое горькое лекарство она могла пить большими глотками, плача от горечи. В любом случае, выйти из дворца было хорошо, главное, чтобы она могла увидеть госпожу Цзян.

После нескольких дней тщательного ухода императорского лекаря здоровье наложницы Лань постепенно восстановилось.

Увидев её выздоровление, император также выполнил своё обещание, выбрав подходящий день, чтобы разрешить ей посетить поместье Гу.

Посторонние, видя эту ситуацию, прямо говорили, что семья Гу, даже находясь в трауре, не потеряет благосклонности императора.

Император, разрешив наложнице Лань посетить родных в это время, показывал миру свою благосклонность к семье Гу, а также ещё раз укреплял положение наследного принца.

Старший принц Сяо Жун, услышав эту новость, позеленел от злости.

Он так долго ждал возможности подавить влияние Сяо Цзиня, а император, напротив, оказал семье Гу такую большую честь.

Разве это не говорило ему ясно, что всё, что он делает, бесполезно?

Тем временем Сяо Шань, услышав новость о болезни наложницы Лань, вместе с Се Чжужем отправился во дворец.

Когда они увидели, что наложница Лань, получив разрешение императора вернуться в поместье Гу, выздоровела, они оба успокоились.

Императрица и Сяо Цзинь тоже были очень рады выздоровлению наложницы Лань. Императрица знала, что наложница Лань очень ценит чувства, и в это время разрешить ей вернуться в поместье Гу было хорошо.

Более того, как говорили посторонние, император, оказывая эту милость наложнице Лань, оказывал милость и Сяо Цзиню.

Дата посещения наложницей Лань своих родных вскоре была определена.

В семье Гу сейчас был траур, и они ничего особенного не готовили. Более того, двор, где раньше принимали императрицу, всё ещё существовал, и можно было подготовить две комнаты, чтобы принять наложницу Лань не нарушая правила.

Время встречи наложницы Лань с семьёй также было очень долгим, всё было регламентировано.

В тот день, когда она вернулась в поместье Гу, она была очень скромна. После встречи с другими членами семьи Гу, наложница Лань смогла уделить время для отдельного разговора с Гу Янем и госпожой Цзян.

Гу Янь, увидев плачущую наложницу Лань, без слов рухнул на колени и тоже заплакал: «Госпожа, спасите меня».

Наложница Лань была потрясена и растеряна. Ей было знакомо, когда её спасали, но спасти кого-то сама она совершенно не умела.

—
<http://bllate.org/book/14491/1282517>